

К удивлению Мо Ли, лишь самый вход в дупло был узким, внутри же оно оказалось довольно глубоким, и можно было почти выпрямиться. Мо Ли встал и внимательно осмотрелся: это был не просто пустой ствол старого дерева, но и пространство, образованное его наклоном и опорой на ветви соседних деревьев, что хитроумно создавало почти замкнутое пространство.

В боковых стенках были щели, все заткнутые ватой или корой.

Две простые доски, положенные на козлы, служили кроватью. На ней лежал человек, укутанный в ватное одеяло и непрерывно кашлявший.

— Дядя Линь! — Хуцзы потряс лежащего, но тот не отреагировал. Ребёнок растерянно обернулся к Мо Ли.

Мо Ли подошёл и сначала осмотрел лицо больного.

— У него жар.

Губы были белые, обветренные, лоб пылал.

— Есть чистая вода? — спросил Мо Ли.

Хуцзы кивнул, подбежал к углу дупла, достал кувшин и взял чашку.

Налив воду, он вдруг осознал проблему и поспешно сказал:

— Вода холодная, я поищу дров, разожгу огонь.

Мо Ли протянул руку и остановил его, нахмурившись:

— В лесу все дрова мокрые, где ты найдёшь сухие?

— В городке...

— Сиди смирно. — Мо Ли покачал головой, взял чашку из рук Хуцзы. — Эту воду кипятители? Или это сырая вода?

— Нет-нет, кипятители, просто остыла.

Мо Ли внимательно посмотрел на воду в чашке, понюхал и убедился, что она действительно не сырая, чистая и не мутная.

Хуцзы неуверенно проговорил:

— Изначально у нас был уголь, но погода слишком холодная, да ещё и лекарство нужно было варить, и он кончился меньше чем за день. Я ходил в заброшенные дома в городке, искал ненужные столы и табуретки, разбираю их на дрова... Ой?

Чашка в руках Мо Ли начала дымиться.

Хотя внутренняя сила ещё не полностью восстановилась, высушить одежду было нетрудно, а подогреть чашку воды — и подавно. Не нужно было доводить воду до кипения, достаточно было нагреть до приемлемой температуры.

Когда вода стала тёплой, лекарь Мо приподнял больного и ловко влил ему в рот всю чашку.

— Кх-кх. — Выпив воду, человек с трудом открыл глаза.

Мо Ли, погружённый в размышления, взял его за пульс, не обращая на это внимания.

У этого человека была густая окладистая борода, волосы всклокочены, так что его лицо было почти не разобрать. Как только Мо Ли коснулся его пульса, он понял, что этот человек молод и практиковал боевые искусства, только уровень его мастерства был настолько низким, что для Мо Ли это было всё равно что ничего.

— Основы здоровья у него крепкие, только в последнее время организм ослаб, сильно простудился, мёрз и голодал? — Мо Ли спросил просто так, не ожидая ответа от Хуцзы, и продолжил:

— Болезнь наступила резко и сильно, нельзя применять сильнодействующие лекарства. Покажи мне травы, которые ты сегодня принёс.

Хуцзы протянул мешок.

Бородач наконец пришёл в себя. Он сильно закашлялся и, изо всех сил стараясь, попытался оттолкнуть Хуцзы в сторону.

— Кто ты такой? — Бородач смотрел настороженно.

— Я лекарь.

Мо Ли, не поднимая головы, перебирал травы.

— Откуда в Городке Лазурного озера лекарь? — Бородач был очень встревожен. Он с упреком посмотрел на Хуцзы:

— Я же говорил тебе, что опасно, не приводи сюда посторонних, почему ты не слушаешься?

Хуцзы опустил голову и, плача, сказал:

— Но, дядя Линь, ты сильно болен, я не знал, что делать...

Бородач хотел продолжить, но Мо Ли просто поднял руку и прижал его обратно к кровати. Тот вытаращил глаза, но почувствовал, что голова тяжёлая и мутная, — от болезни не осталось сил.

— В этом дупле нет ни дров, ни угля, даже глотка горячей воды не выпить. Если хочешь умереть, умирай один, не тащи за собой ребёнка.

Мо Ли говорил очень резко, он не любил пациентов, которые создают лишние проблемы.

Человек, который мог жить в хорошем доме, предпочёл прятаться в дупле и мёрзнуть, заболел до такой степени, а увидев незнакомца рядом с ребёнком, проявляет такую настороженность. Мо Ли даже не нужно было особенно думать, чтобы понять: они скрывают свою личность.

Может, спрячутся от врагов, может, при них есть что-то ценное. Кто знает? В общем, лекарь Мо этим не интересовался.

Бородач тяжело дышал, глядя на Хуцзы, и в его взгляде была скорбь.

— Дядя Линь, я виноват, не сердись. — Хуцзы подполз к нему, слегка дрожа. — Я буду хорошо учиться и слушаться тебя, но ты не должен бросать меня, как они.

Бородач всем сердцем хотел остановить ребёнка, но от болезни у него голова была тяжёлой, а ноги — лёгкими, не было даже сил говорить громко, он только вздохнул.

Хуцзы заплакал ещё сильнее.

— Хватит утирать слёзы, прими лекарство. — Мо Ли достал из котомки пилюлю и сунул её Хуцзы.

Бородач увидел это, и глаза его чуть не вылезли из орбит, он изо всех сил попытался подняться.

— Хуцзы, как ты можешь есть что попало? Как я тебе говорил...

Не успев договорить, он был мягко отброшен назад невидимой силой.

Мо Ли посмотрел на вход в дупло, потому что это был не он.

— Заждался?

— Хотел посмотреть, что за пациент такой, что смеет кричать на лекаря. — Мэн Ци, сгибаясь, вошёл в дупло, сияя улыбкой. — Я полдня умолял лекаря лечить меня, а этот человек так груб, мне, естественно, неприятно.

Мо Ли разделил травы, прикинул дозировку, сложил вместе и, не поднимая головы, сказал:

— Он действительно груб и не слишком умен, но если умрёт, за Хуцзы, пожалуй, некому будет присматривать. Да и умирать он не хочет.

Бородач после того, как вошёл Мэн Ци, всё время с изумлением смотрел на него, даже протёр глаза.

Теперь, увидев, как Мо Ли и Мэн Ци легко общаются, он не удержался и посмотрел на Хуцзы, сидящего у его постели. Несколько раз поколебавшись, он в конце концов стиснул зубы и громко сказал:

— Государственный наставник!

— ...

Мо Ли был немного удивлён, но промолчал и продолжил заниматься своим делом.

Хуцзы смотрел растерянно, явно не понимая, о чём говорит его дядя.

Мэн Ци склонил голову набок и лениво разглядывал этого бородатого мужчину, лицо которого даже разглядеть было трудно.

Тот, очень взволнованный, дрожащим голосом сказал:

— Я знаю, что вы государственный наставник Мэн, умоляю, спасите...

— Я не он.

Мэн Ци перебил его. Бородач застыл, не зная, как реагировать.

— Ты говоришь о бывшем государственном наставнике Мэн Ци? Я слышал, он давно умер, разве нет? — Мэн Ци погладил подбородок и с серьёзным видом сказал:

— Даже если бы он был жив, он должен был бы быть седым и морщинистым стариком. Разве я похож?

Бородач больше не мог скрываться и с горечью сказал:

— Государственный наставник, я из семьи Линь из Бачжоу, моё имя Линь Доу, префект Линь из Тайцзина в прошлом был моим отцом. Препрежнее государство пало, мы скитались и добрались сюда. Сегодня я осмеливаюсь обратиться к вам за помощью, иного выхода нет. Государственный наставник, я знаю, что вы обладаете необыкновенными способностями, можете сделать невозможное...

Мэн Ци с серьёзным и строгим выражением лица, с чувством собственного достоинства отказал:

— Погоди, какие бы ни были способности, они не могут вернуть молодость! Ты болен и бредишь, а я ещё в здравом уме! Здесь же лекарь, давай спросим его, возможно ли такое!

Уголок рта Мо Ли дёрнулся.

Он хотел рассмеяться, но сдержался.

— Дядя Линь. — Хуцзы с беспокойством смотрел на Линь Доу, явно думая, что тот бредит от жара.

Линь Доу чуть не выплюнул кровь от злости, но не посмел высказаться. Он мог лишь изо всех сил подтолкнуть Хуцзы вперёд и, дрожа, сказать:

— Поздний император в старости впал в маразм и совершил много ошибок, но наследный принц Чжаохуа, которого вы растили, был мудрым правителем. Увы, он безвременно погиб, у покойного императора не осталось наследников, и страна пала. Члены императорского дома, оставшиеся в Тайцзине, почти все погибли. Этот ребёнок — единственный выживший внук наследного принца. Умоляю вас, ради Чжаохуа, сжальтесь над ним.

С этими словами он вытащил из-под одежды на шее Хуцзы синеватый нефритовый кулон, тёплый и гладкий, как вода, с резным изображением свернувшегося дракона.

Линь Доу, тяжело дыша, сказал:

— Этот ребёнок с рождения скитался с нами, бежал из Тайцзина в Бачжоу, а затем в Пинчжоу. Столько охранников и слуг, и в конце концов остался только я, прячущийся в Городке Лазурного озера, влача жалкое существование, и в итоге... Эх. Теперь я тоже умираю, а этот ребёнок ничего не знает. Династия Ци никогда не прекращала его розыск. Государственный наставник, я в безвыходном положении, умоляю вас...

— Кто сказал, что ты умираешь? — Мо Ли внезапно прервал эту трогательную речь о передаче сироты на попечение, махнул рукой и швырнул обработанные травы в пустой глиняный горшок, с презрением сказав:

— Ты просто серьёзно заболел. Если будешь спокойно принимать лекарства, не умрёшь.

Мэн Ци не стал сдерживаться и прямо рассмеялся.

Линь Доу остолбенел, и лишь спустя долгое время пришёл в себя. В горле запершило, и его вновь охватил сильный кашель.

Он держал Хуцзы за руку и всё ещё с надеждой смотрел на Мэн Ци.

<http://bllate.org/book/15299/1351802>